

Э. А. РЯЗАНОВ,

кинорежиссер, Народный артист СССР и РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР, Почетный доктор СПбГУП

ПОДВЕРГАТЬ ВСЕ СОМНЕНИЮ — ГЛАВНАЯ ЧЕРТА УЧЕНОГО

Я очень польщен, что мне дали слово в таком интеллигентном, научном и вообще замечательном сообществе. Должен сказать, что я с большим сомнением отношусь к нашей интеллигенции, ибо она замарана в огромном количестве неблагоприятных дел, и только то, что к ее среде принадлежат такие люди, как Андрей Дмитриевич Сахаров и Дмитрий Сергеевич Лихачев, примиряет меня с существованием этой прослойки. Они одни из немногих, которые являются эталоном, на них мы должны равняться. Я отношусь к Дмитрию Сергеевичу с невероятным почтением, нежностью, любовью, преклоняюсь пред этим великим ученым и человеком страшной, трудной судьбы. Он прожил жизнь с невероятным достоинством, и я очень боюсь, чтобы из него не сделали этакого символа просвещенного самодержавия, народности и православия. Я очень боюсь, чтобы мы не превратили живого, скромного и, действительно, очень интеллигентного человека в некую мумию, которой кстати (а в основном нехстати) будем потом потрясать. А такая опасность существует — мы же ни в чем меры не знаем, всегда стараемся превзойти по па в вере и бить свои лбы истово и бессмысленно.

У меня по поводу ряда вещей и явлений есть свои взгляды, отличные от принятых. В частности, мне кажется, что Лихачевские чтения должны состоять не в пересказе сочинений Дмитрия Сергеевича. Они должны стать поводом для того, чтобы каждый из сидящих здесь людей (многие из которых являются гордостью русской культуры) поделился своими мыслями, сомнениями, опасениями. Я убежден — самая главная черта подлинного ученого — это сомнение. Именно сомнение, которому мы должны подвергать незыблемые постулаты, известные нам с детства.

Сегодня мы говорим о Кирилле и Мефодии. Может быть, сейчас я скажу с точки зрения

почтенного собрания слова возмутительные, но я всегда думал: ведь объективно их роль в том, что они оторвали нашу письменность от письменности практически всего Запада. У поляков, скажем, письменность другая, а язык близкий нам, славянский. И я не думаю, что в конечном итоге деятельность Кирилла и Мефодия здесь послужила на пользу. Ведь определенный занавес, который существовал между Россией и Европой, имел место еще и потому, что у нас была другая письменность. Это моя точка зрения, я имею на нее право. Я уважаю авторов славянской письменности, но считаю, что, повторяюсь, они объективно послужили разрыву и воздвижению стены между Восточной и Западной Европой. И вообще, у нас в истории очень много спорного.

В одном из сочинений, написанных мной вместе с Григорием Гориным, сказано: История — это сказка, слегка приукрашенная правдой, — для убедительности. Интересно, почему Александра Невского, потопившего в крови своих родных новгородцев, причислили к лику святых? Он был побратимом сына Батыея, и татарская конница помогала ему одерживать победы и на Чудском озере, и на Неве. Об этой помощи «басурманов» никогда и ничего не писалось. Мне кажется, что чем больше тумана мы будем рассеивать над нашей Историей, тем будет лучше. Мы должны знать: от куда мы, кто мы, что мы. Что вообще происходило в то время, про которое мы талдычим: 300 лет татаро-монгольского ига, 300 лет татаро-монгольского ига... Все было не так однозначно, как нам это внушали в школе. Лев Николаевич Гумилев очень много работал и рассказал невероятные вещи о той эпохе.

Сомнение, неуспокоенность, желание познать правду — вот благодаря чему идет вперед наука. У меня ощущение, что мы — все, кто собрались в этом зале, — это своеобразный остров культуры и тяготения к знанию в

огромном море невежества, в котором погрязла вся наша страна. Для меня сейчас самая главная задача — это просветительство, потому что надо вытаскивать наших людей из (как бы поточнее выразиться) этакой коррупции души. Кошелек из материальной стал и моральной категорией: духовная сытость, деньги, довольство — главное, все остальное не имеет никакого значения.

Я благодарен Университету за то, что он занимает неподкупную просветительскую по-

зицию. Это воинствующая позиция людей, которые пытаются (я сейчас выражаюсь высокопарно) зажечь огонь знания и распространить его среди нашего населения, применительно к которому я сейчас даже слово «народ» боюсь употребить. Мы сейчас, скорее, население, которое говорит на одном языке, но мало что помнит, мало что хочет знать.

Я желаю всем успеха на замечательном и благородном поприще просвещения.